

Дмитрий НАБОВ: *веч. кнуг. - 1998 -* **Отец** *26 февр. - С. Ч.* **ненавидел грязь** **и бессмысленный** **музыкальный фон**

Накануне премьерного показа в Киноцентре на Красной Пресне фильма Эдриана Лайна "Лолита" в Москву приехал 63-летний сын Владимира Набокова Дмитрий — в прошлом оперный тенор, выступавший на одной сцене с Паваротти, ныне литератор и переводчик. Каков он — сын гения и по-своему вполне состоявшийся человек?

— **Дмитрий Владимирович, на каком языке вы заговорили?**

— Говорили мы в семье по-русски, пока мне не исполнилось шесть лет. Тогда мы оказались в Нью-Йорке. Я вернулся после первого дня американской школы и объявил маме: сегодня я научился говорить "по-аглички". Позже действительно я научился довольно быстро "по-аглички" говорить и писать, иногда ще-голяя дома выражениями, которые слышал в школах. Русский остался основным языком домашним, но были и фиоритур французского и англий-ского. Но как и мой отец, думал я всегда и думаю обра-зами, представляю себе мыс-ленные картины. А сны мне снятся всегда цветные, как и ему снились.

— **В англоязычном мире ваше-го отца признали сравнитель-но поздно. В семье у отца был ореол непризнанного гения?**

— Он думал о писании, а не о признании. Ореол гения от этого не меняется.

— **У вас был сачок? Вы лови-ли вместе с отцом бабочек?**

— Был, был свой сачок. Ходил с отцом. Даже благодаря отцу вместе появились на некото-рых этикетках гарвардской коллекции. Подарил лозанско-му музею то, что казалось ма-ленькой коллекцией, а оказа-лось 4 тысячи экземпляров. Это последняя папина коллек-ция, оставшаяся после его смерти. Сохранились и папи-ны, впрочем, бывшие дедуш-кины турнирные шахматы, а также перчатки, в которых отец учил меня боксировать. Но энтомологом я тоже не стал.

— **Разные отцы по-разному воспитывают своих детей: кто ремнем, кто нравоучением. Как ваш отец воспитывал вас?**

— Без ремня. С нежностью, с юмором. Как бы ни был погру-жен в сочинение романа, все-гда имел для меня время. Как-им бы знанием со мной ни де-лился, выражал мысль, будь то простую или сложную, ориги-нально и забавно, как и моя мать. Делился со мной сча-стьем, оптимизмом, юмором, честью и гением. Многие эти качества в нем ценят. Другие не могут ему простить, как не могут примириться с тем, что его гений наконец был при-знан и что он дожил жизнь в тепле идеального семейного счастья.

Существует, например, особа, которая ходит в биографах На-боков и даже цитируется мос-ковским журналом "Наше на-следие". Это так называемая княгиня. О княжеском проис-хождении этой яростной анти-семитки, между прочим, нена-видящей мою мать, кажется, мог бы кое-что сказать еврей-ский помещик, сосед семьи по имению, если бы был еще жив. Эта особа после пятнадцати лет дружбы с Набоковым и его

женой посвятила следующие пятьдесят лет сбору изда-ека архива, состоящего исклю-чительно из сплетен и гадостей про моих родителей. И даже призналась одному настояще-му биографу, что ее книжонка написана на самом деле про-тив Веры Набоковой.

— **Вкусы отца, литературные, музыкальные, сказались на ваших вкусах?**

— Литературные — да. Начи-ная с "Ани в стране чудес", па-пиного перевода Льюиса Кэр-ролла. Это одна из первых книг, если не первая, с кото-рой я познакомился малень-ким мальчиком. Потом были Пушкин, Шекспир, Толстой, Гоголь, Флобер, словом, клас-сики. И кончая томиком Мюс-се, который папа принес ко мне в комнату незадолго до смерти.

Музыкальные — менее. Отец говорил, что больше всего не-навидит в жизни тиранию, же-стокость, глупость, грязь и бессмысленный музыкальный фон. Несмотря на это, он при-ехал на мой дебют, когда я вы-играл музыкальный конкурс в Италии и выступал в "Богеме" с Паваротти. Он признавался мне, что любил некоторые произведения, где либреттис-ты и композиторы выражали уважение к автору, например, "Борис" или "Кармен".

— **В каком возрасте вы прочли "Лолиту" и открылось ли для вас что-то новое в отце после прочтения этого романа?**

— Я читал папины произведе-ния сразу после их выхода. А в каком смысле "что-то но-вое"?

— **Для вас было неожиданно-стью то, что отец написал о любви к девочке?**

— Знаете, сколько мне уже было? Я кончал Гарвард или уже кончил. Я был знаком с пи-сательской философией отца, если можно так сказать. Его изучение аберраций психичес-ких, физических, как в карли-ке "Картофельного эльфа", — это изучение было преломле-нием мира, ученый анализ это-го мира. Педофилия — это одна из многих аберраций. Если приписать автору то, о чем он пишет, тогда каждый автор книги — убийца или са-моубийца.

— **Для вас это бремя или сча-стье быть сыном Владимира Набокова?**

— Бремя, когда, несмотря на наличие агентов и секретарш, приходится тратить время и силы на вздорную рутину, ког-да пошляки и пираты искажа-ют искусство и личность моих родителей. Радость, когда я перевожу Набокова или другие переводят и издают прилично. Бремя, когда ставят глупень-кие вопросы, радость, когда вопросы умные.

Игорь ПОМЕРАНЦЕВ.
 (Еженедельник "Панорама",
 Лос-Анджелес).

